

Михаил Анатольевич Членов (1940–2024) – этнограф, востоковед, декан филологического факультета (иудаики и гебраистики) Государственной классической еврейской академии имени Маймонида (Москва), глава Стратегического совета Евроазиатского еврейского конгресса, вице-президент Всемирного еврейского конгресса.

Я благодарен судьбе за знакомство с этим замечательным человеком. Я благодарен ему за неизменно дружеское отношение ко мне, хотя такое отношение не означает, что между нами была дружба. Так близко я с ним связан не был, а наши контакты были скорее точечными, хотя и растянулись на долгие годы, начавшись в 1960-е в виде довольно частых личных встреч в ходе общих занятий и возобновившись через едва ли не столетия. Но в промежутке бывали разговоры, его рассказы о своих делах, всякий раз необычайных.

В российской дворянской традиции было принято величать некоторых взрослых людей – известных и тем, кто с ними лично не знаком, людей общественно значимых, – их детскими именами. В советское время эта традиция дольше всего держалась в Ленинграде; в Москве среди ученых таких, кажется, было только двое – Кома Иванов и Мика Членов. В использовании мною этого не псевдонима, не клички, не прозвища, а семейного имени, ставшего достоянием целого круга, была и есть не фамильярность, а благодарность за допуск в это общество чем-то отмеченных людей. Чем?

Я познакомился с ним, думаю, в 1963 году. В 1961-м я поступил в Институт восточных языков при МГУ на индонезийское отделение и, немного освоившись, узнал, что в этом заведении, в основном готовившем переводчиков для работы в МИДе и

AD MEMORIAM

других учреждениях, имевших дело с зарубежным Востоком, есть Научное студенческое общество. А его председателем является человек с необычной речью, необычной внешностью и необычным именем – Мика Членов.

Российское востоковедение, как и, например, британское, в основном обслуживало колониальную политику государства, а советское – политику времен превращения бывших колоний в самостоятельные государства, в возможных союзников и партнеров СССР на Востоке. Хорошо поставленное востоковедение включало многие виды деятельности – от разведки до изучения языков, истории, культуры народов огромной части мира, которую на Западе называли Востоком. Институт восточных языков в миниатюре отражал эту многосложную картину.

Мика Членов учился на индонезийском отделении на несколько курсов старше меня. Он знал все, что полагается студенту-индонезисту: индонезийский голландский, английский, многосложную историю Индонезии, историю Востока в целом. Но уже к третьему курсу он, в отличие от большинства остальных студентов, имел гораздо более широкий взгляд: он видел, что такое вообще востоковедение как комплекс наук и знаний, объединяющий географию, экономику, историю, филологию, этнографию, лингвистику.

Ученый – это особый склад личности, особая этика дела, особое отношение к миру. Мика Членов сложился как ученый уже в студенческие годы. Учебная программа Института восточных языков предполагала «практику в стране изучаемого языка». Мику судьба послала в одно из интереснейших мест на планете – на Молуккские острова, известные в Европе в Новое время как Острова Пряностей. Специи оттуда в Европу доставляли индийские и арабские морские торговцы. Стремясь избавиться от этих посредников и самим попасть туда, где только и растет на всем свете гвоздика, капитаны под флагами великих морских держав Европы того времени – Португалии, Испании, Голландии и Британии – совершали первые кругосветные путешествия, открывая попутно новые земли.

Цепь из тысяч островов, которую позже назовут Индонезией, была к тому времени крайним востоком принесенного арабами ислама. Но на самом крайнем востоке этой цепи, уже вблизи Австралии, Молуккские острова оказались крошечным христианским анклавом: им владели то католики, то протестанты (впрочем, там сохранялись и следы местных анимистических верований). В начале 1960-х уже завоевавшая себе независимость Республика Индонезия крепко дружила с СССР, который оказывал ей дипломатическую поддержку и поставлял значительные объемы вооружений. Союз явно интересовали Молуккские острова, расположенные в стратегически ключевой точке южных морей.

Туда стали заходить советские корабли, при активном участии СССР началось строительство неких важных объектов.

Переводчиком туда был взят Мика Членов. Он вошел в местную жизнь, был принят местной провинциальной знатью. Знакомства в этой среде он использовал, чтобы собрать сведения по новой и новейшей истории этих мест, переживших вместе со всем архипелагом перипетии Второй мировой войны, борьбы за независимость против колонизаторов из Британии, Голландии, Японии. Вместе со своей женой Мика предпринимал экспедиции на близлежащие острова, где жили носители множества еще не изученных европейской наукой языков и обычаев, почти не затронутые перечисленными потрясениями. Он действовал как истинный востоковед, совмещая функции переводчика, историка, этнографа, лингвиста. Были собраны уникальные материалы по языкам и системам родства племен острова Хальмехера.

Мика звал меня к себе на смену. Я не поехал и вообще не стал востоковедом, связав свою судьбу с кругом Юрия Левады. Мика этот выбор уважал.

О его работе по возвращении в Москву мне известно мало. Но знаю, что, когда среди советского еврейства возникли идеи репатриации в Израиль, Мика оказался в гуще этого процесса и место его, разумеется, было там особенным. Как востоковед и как еврей, он выучил редкий тогда для нас иврит и стал одним из первых преподавателей этого языка в СССР. Его учениками были прежде всего те, кто намеревался уехать в Израиль, и эти устремления ставили их в конфликтные отношения с советской властью, не разрешавшей отъезд никуда и никому. Их звали «отъезжанты», и Мика, оказывая им значительную помощь в их сионистских стремлениях, сионистом тем не менее не был и уезжать, насколько я понимаю, не собирался. Как выяснится позже, он формировал свою особую позицию в еврейском общественном бурлении.

Не разбиравшиеся в таких тонкостях органы зато плотно заинтересовались его преподавательской деятельностью среди отъезжантов, отказников и потенциальных сидельцев. Его бы посадили или выдавили из страны, как это делали с еврейскими активистами, однако руководство института, где Мика работал, приняло спасительное для него решение. Он был отправлен в длительную командировку на крайний северо-восток СССР – туда, где еще сохранялись среди так называемых «малых народов Севера» такие, которых этнографы называют словом «изоляты». Он спасался как политический активист, но ехал туда снова как ученый-востоковед.

Экспедиция была длительной. Мика сумел прижиться в племени оленеводов, тогда еще почти не затронутом советской

действительностью. Он многое сделал как полевой этнограф, а как ученый- антрополог реконструировал и описал в категориях структуралистской антропологии их оригинальную систему родства. Я знаю об этом из его собственных рассказов: мы в очередной раз повидались по его возвращении.

Следующая встреча состоялась много позже, когда времена переменились для всех и, в частности, для евреев. Ехать в Израиль стало среди них нормой, действовали организации и существовали движения, исходившие из простой идеи: если ты еврей, твое дело – ехать в Израиль. Это был политический и бытовой сионизм, укрепляемый традиционным политическим и бытовым антисемитизмом, исходившим из того же простого постулата: еврей, езжай в свой Израиль! Противоположностью была ассимиляция: отказ от своего еврейства, превращение себя в «просто советских людей», «просто россиян», а то и «русских».

Мика Членов занял в этих условиях особую собственную позицию. Он стал утверждать субъектность тех евреев, которые не хотели ни уезжать, ни отказываться от своего еврейства. Объективно это была проеврейская антиссионистская позиция. На практике это была позиция многих в СССР-России, но теоретически и доктринально она не была оформлена и заявлена. Нормы как на отъезд, так и на отказ от еврейства были активно провозглашаемыми, а тихая практика оставаться, чтобы быть самими собой, была нормой пассивной, не проявленной. Ее-то и заявил Мика.

В мире, где действуют несколько международных сионистских организаций, Мика Членов создал собственную международную еврейскую *не-сионистскую* институцию, объединявшую страны, где евреи живут сейчас и намерены жить далее. По его подсчетам, получалась организация, сопоставимая по размерам с ООН¹. Он, помнится, принимал меня в офисе этой организации и его полусерьезный рассказ о ней был прерван приходом делегации от какой-то весьма экзотической страны.

Мика интересовался исследованиями, которые мы проводим в «Левада-центре»², – исследованиями российского общества, переживающего драму своих отношений с Западом и с Востоком. Будучи выдающимся востоковедом по образованию и призванию, по убеждениям он был столь же выдающимся западником. Но западником особенным: воспринимая Россию всерьез, он не принимал наивно-полемического утверждения «Россия – это Европа» и в европейскости (будучи сам безусловно европейским ученым) ей отказывал. Мика провел дет-

1 Шуточная идея Организации Объединенных наций приходила в 1960-е в голову и автору.

2 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

АЛЕКСЕЙ ЛЕВИНСОН

МИКА ЧЛЕНОВ

ские годы в Германии и имел свою мерку европейского, которой Россия не удовлетворяла. Но это не было для него поводом отказывать ей в исторической субъектности. И, разумеется, его позиция весьма далека от выступлений нынешних антизападников: «Россия – это вам не Запад (и не Восток). Россия – это Россия!» В этой тавтологии большая сила суггестии – тем она и опасна. Возникает чувство, что утверждение, что мы «ни Запад ни Восток» является исчерпывающим и можно более не спрашивать себя, а кто же мы такие. Мика Членов с его опытом изучения культур «на стыке» – в контакте и в конфликте, – судя по моим последним разговорам с ним, имел свой ответ на эти вопросы.

Алексей Георгиевич Левинсон (р. 1944) – социолог, руководитель отдела социально-культурных исследований «Левада-центра»